

УДК 39:17.035.3

UDC 39:17.035.3

КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

CULTURAL CODE: CHARACTERISTICS AND VERBALIZED MANIFESTATIONS

Е. В. Кузнецова,

*кандидат философских наук,
доцент, докторант кафедры
культурологии БГУКИ*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2774-9858>

E. Kuznetsova,

*PhD, Associated Professor, Doctoral
Student of the Department of Cultural
Studies, BSUCA*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2774-9858>

Поступила в редакцию 05.03.2024.

Received on 05.03.2024.

В статье анализируется определение культурного кода, значительно актуализированное политическими, экономическими и социокультурными процессами последних десятилетий. В определении культурного кода выделены доминирующие, на взгляд автора, специфические характеристики: функциональное назначение, вербализованность или невербализованность, искусственный характер, зашифрованность информации, символичность, субъективность. На основе представленных характеристик, а также тезиса, что коммуникация играет ключевую роль в проявлении культурного кода, в статье рассмотрены следующие вербализованные проявления: прецедентные феномены (текст, высказывание, ситуация, имя), фразеологизмы, этнокультурные стереотипы. Все рассмотренные проявления культурного кода автор иллюстрирует примерами из белорусского и русского культурно-коммуникативного пространства (фольклор, классическая литература). В конце статьи автор приходит к выводу, что прецедентные феномены, фразеологизмы, устойчивые выражения, различные метафорические сущности наиболее адекватно отражают культурный код народа.

Ключевые слова: культурный код, культурно-коммуникативное пространство, язык, прецедентные феномены, фразеологизмы, этнокультурные стереотипы.

The author of the paper analyzes the definition of the cultural code, which has been significantly actualized by political, economic and socio-cultural processes of recent decades. According to E.V. Kuznetsova's opinion there are specific characteristics in the cultural code's definition: functional purpose, verbalization or non-verbalization, artificial nature, encryption of information, symbolism, subjectivity. The author presents the following verbalized manifestations: precedent phenomena (text, statement, situation, name), idioms, ethnocultural stereotypes. She bases her point of view on the distinguished characteristics and on the thesis that communication plays a key role in the manifestation of the cultural code. The author illustrates all the considered manifestations by examples from the Belarusian and Russian cultural and communicative space (folklore, classical literature). At the end of the article, she comes to the conclusion that precedent phenomena, phraseological units, set expressions, various metaphorical entities adequately reflect the cultural code of the people.

Keywords: cultural code, cultural and communicative space, language, precedent phenomena, idioms, ethnocultural stereotypes.

Социально-антропологический кризис, перед лицом которого оказалось человечество во второй половине XX века, в значительной степени актуализировал вопросы культуросо-зидательной деятельности человека. Новые технологии и усовершенствованные финансовые и политические инструменты не помогли человечеству справиться с вызовами современной цивилизации. Процессы глобализации и интеграции лишь углубили этническую дифференциацию, вызвав немало конфликтов межэтнического характера. Поэтому проблема культурного кода, его сохранения и трансляции приобретает на сегодняшний день особую важность. Изучение культурного кода может по-

мочь современному субъекту в определении границ своего культурно-коммуникативного пространства, а также способствует повышению степени эффективности межкультурных контактов и предотвращению возможных противоречий.

Несмотря на имеющиеся множество трактовок и интерпретаций, концепт «культурного кода» не имеет однозначного определения, в первую очередь, из-за своей сложности и неоднозначности, а также разнообразия применяемой исследовательской оптики. Тем не менее культурный код имеет ряд характерных отличий, общих для различных толкований. Цель нашего исследования заключается в выявле-

нии характерных черт культурного кода и тех вербализованных форм, в которых он проявляется на сегодняшний день в этнокультурном пространстве белорусского и русского народов.

Первая характерная черта культурного кода, которую мы рассмотрим, – это функциональное назначение. Культурный код сохраняет в преобразованном виде конкретную информацию о самых различных предметах духовной и материальной деятельности человека. Точка зрения известного философа-постструктуралиста Р. Барта отражает именно такую особенность культурного кода – «фрагменты памяти культуры», носящие «концентрированный характер». Культурный код помогает установить соответствие между обозначаемым артефактом или феноменом культуры и тем содержанием, которое в него вкладывается и которое сохраняется и транслируется впоследствии для других поколений. Как утверждает российский культуролог П. С. Гуревич, культурный код есть «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [1, с. 53].

Вторая особенность, присущая культурному коду, – его вербализованность или невербализованность. Вербализованность культурного кода объясняет тот объем исследований, которые посвящены ему в лингвокультурологии (С. М. Толстая, В. Н. Телия, В. А. Маслова, В. В. Красных). Еще Э. Сепир называл язык символическим ключом к культуре [2]. Через язык, а именно через устойчивые выражения, идиомы, фразеологизмы мы обнаруживаем информацию о ментальности народа, его духовных его ценностях, традициях и обычаях. Но ряд ученых считает, что к культурному коду можно отнести любую информацию, позволяющую идентифицировать культуру, в том числе выраженную в невербальных формах [3, с. 70]. Поэтому культурным кодом мы можем считать, например, праздничные обряды, религиозные ритуалы, произведения искусства, поскольку они в зашифрованном виде также содержат в себе сведения о культурных феноменах прошлого и позволяют объяснить содержание этих феноменов сегодня.

Третья характеристика, на которую мы обращаем внимание, но которая является достаточно дискуссионной в то же время, – это искусственный характер кода. Так, российский филолог и культуролог Ю. М. Лотман считает, что само понятие кода уже предполагает некую искусственность [4, с. 395], причем есте-

ственный язык для него, в отличие от многих других знаковых систем, кодом не является. Трактовка итальянского семиотика У. Эко раскрывает культурный код как некую структурную модель [5], а российского и американского лингвиста Р. Якобсона – как совокупность знаковых систем, воспринимаемых нами посредством слуха и зрения [6].

Четвертая характеристика культурного кода – зашифрованность информации или закодированность. Поскольку данная особенность довольно очевидна, в данном случае для нас важен способ кодирования и декодирования, то есть, по мнению У. Эко, переход от знаков и символов к смыслу. Традиционно в условиях индустриального общества текст культуры воспринимался как прямой источник информации. Через текст передавались культурные феномены, в тексте они сохранялись и впоследствии транслировались разными способами декодирования [4]. Весь мир представлялся как текст, требующий прочтения и разъяснения не только на научном уровне, но и на повседневном (Ю. М. Лотман, Р. Барт, Ж. Деррида). Развитие литературного творчества предоставило человеку возможности исследовать и описывать мир и закреплять полученные знания в знаковой форме. Но в информационном обществе сформировался особый тип мышления – визуальный. И современный человек не только мыслит визуальным рядом, но и кодирует получаемую информацию новым способом – визуальным. Таким образом, на сегодняшний день мы можем говорить о формировании экранного кода как новой разновидности культурного кода.

Следующая особенность культурного кода – его символичность. Традиции и обычаи, произведения архитектуры и изобразительного искусства, язык и литература в той или иной степени несут символическую и аллегорическую нагрузку, передавая сообщения «из прошлого» о различных культурных событиях и явлениях. Белорусский и русский фольклор, литературное творчество белорусских и русских классиков отражают, прежде всего, особенности древних языческих верований восточных славян. Например, культ Женщины-Матери воплотился в образах героинь в произведениях Янки Купалы, М. Богдановича, А. Пушкина, И. Тургенева. Наши сказки сохранили тотемистические воззрения восточных славян, поэтому сказочные персонажи-животные (медведь, лиса, волк, заяц) – антропоморфны.

Концепция лингвокультурологов относительно определения культурного кода, на наш взгляд, отражает его символический характер

наиболее точно. Для них язык – это пространство, где раскрывается культурный код через различного рода устойчивые выражения метафорического и аллегорического характера, своеобразный «контейнер», где языковые сущности наполнены культурным содержанием [7].

Тезис, что язык является знаковой системой, очевиден. Но согласно справедливому замечанию российского лингвокультуролога В. Н. Телия, язык – это знаковая система, в которой взаимодействуют следующие субъекты: «мыслящий» и «говорящий индивиды», «мышление и его законы», «мир» и «языковые средства». При этом все эти субъекты отображают свой собственный организованный код и свою логику мышления, но не объективно, а субъективно [8, с. 103]. Отсюда вытекает еще одна характерная черта культурного кода – субъективность, которую следует выделить в его эксплицировании. И субъективность культурного кода проявляется не только через язык, но и через невербализованные проявления, поскольку все их создатели – субъекты: народ или отдельные авторы культурных артефактов. И восприятие культурного кода также осуществляется различными субъектами: читателями, зрителями, слушателями.

Несмотря на то что культурный код, как мы показали, может носить как вербализованный, так и невербализованный характер, нас в нашем исследовании интересуют проявления культурного кода именно в коммуникативном пространстве. Мы принимаем для себя утверждение, что язык есть базовая кодовая система для понимания культурной сущности народа. Культурные артефакты фиксируются в сознании народа и впоследствии хранятся и проявляются в коммуникативном поведении его носителей. Естественный язык людей – это не просто совокупность знаков, но и совокупность значений, то есть совокупность выработанной людьми информации об окружающем их мире, о них самих в этом мире. Именно язык является своеобразным «ядром» коллективной памяти народа, или, по-другому, его культурного кода.

Яркими образцами архетипов, лежащих в основе культурного кода, выступают так называемые прецедентные феномены. Если к прецедентам мы относим модели поведения, существующие внутри народа, формы его мировосприятия, нравственные установки и идеалы, то прецедентные феномены в своей вербальной форме выражают их сущность, фиксируют значение (Д. Б. Гудков, Ю. П. Кара-

улов, В. В. Красных, С. Московичи, Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин, А. Е. Супрун, Е. Ф. Тарасов, И. И. Толстой, В. Н. Топоров, Э. Хирш). Прецедентные феномены популярны внутри своего лингвокультурного сообщества, имеют частые отсылки в речи представителей этого сообщества, актуальны в культурно-коммуникативном плане. Причем лингвокультурное сообщество может быть как ограничено рамками какого-либо отдельно взятого народа (тогда мы имеем дело с социумно-прецедентными феноменами), так и охватывать, например, всех христиан (национально-прецедентные феномены) или даже все человечество (универсально-прецедентные феномены).

Среди прецедентных феноменов принято выделять прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентную ситуацию. Прецедентный текст – это текст, имеющий важное духовное, когнитивное, эмоциональное значение для конкретного лингвокультурного сообщества, как правило, он очень популярен в данном сообществе, реализуется в классической литературе и фольклорном творчестве народа, но может выражаться и в современных коротких рекламных текстах и слоганах. Этот текст должен быть хорошо известен своей аудитории как сказка про Колобка, являться своеобразным эталоном (творчество А. С. Пушкина в русском лингвокультурном сообществе или Янки Купалы и Якуба Коласа в белорусском лингвокультурном сообществе), созданию текста должно предшествовать реальное событие: например, повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, посвященная событиям, связанным с восстанием Пугачева [9, с.180]. Прецедентное высказывание – это яркая цитата, крылатое выражение, неоднократно воспроизводимая в речи как носителями языка («счастливые часов не наблюдают», «владелец заводов, газет, пароходов», «остаться у разбитого корыта»), так и выходящая за пределы конкретного культурно-языкового пространства (умыть руки, тридцать сребреников, ящик Пандоры, глас народа – глас божий).

К прецедентному имени следует отнести индивидуальное имя, ассоциированное или с широко известным текстом, интерпретируемым как прецедентный (например, Анна Каренина, Павлинка), или с ситуацией, в той же степени известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин), – это имя-символ. Прецедентная ситуация – некая «идеальная» ситуация с определенными коннотациями, воспроизводимая и воспринимаемая по конкретным дифференциальным при-

знакам. Например, ситуация с абюзом мужа по отношению к жене и многочисленными браками такового называется поведением «Синей Бороды» по аналогии с поведением одноименного сказочного персонажа, или мужчину, который способен вскружить голову любой женщине, мы определим как «Казанову», «Дон-Жуана».

Отметим, что между прецедентными феноменами нет жестких границ. Все названные феномены тесно взаимосвязаны друг с другом, при актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких других прецедентных феноменов. К существенным признакам прецедентных феноменов мы можем отнести следующие: отсылка любого прецедентного феномена к тому или иному историческому событию, произошедшему в реальности (например, словосочетание «Мамаево побоище» означает крайнюю степень разрушения и имеет конкретную отсылку к нашествиям монголо-татарского ига на Русь в Средние века); прецедентный феномен хорошо понятен представителям лингвокультурного сообщества (скатерть-самобранка, ковер-самолет); символичность или ассоциативность прецедентного феномена (имя Радзивиллов в белорусском лингвокультурном сообществе ассоциируется с богатством и знатностью); каждый прецедентный феномен имеет ценностную маркировку, то есть отражает значимые ценности для того или иного народа: имя Франциска Скорины, символизируя просвещение для белорусов, говорит о важности образования в системе ценностей.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что прецедентные феномены в любой форме своего существования необходимы для установления коммуникативных контактов, в первую очередь, для повышения степени эффективности межкультурного взаимодействия. Общность создания культурных образцов, их познания, сохранения и передачи от поколения к поколению определяет общность сознания акторов данного процесса. Коммуникация – это всегда, прежде всего, знаковый обмен, когда его участники ассоциируют с одними и теми же символами одни и те же образы. Фразеологизмы, как и прецедентные феномены, составляют не менее важную часть коммуникации.

Любой фразеологизм – носитель и хранитель культурного контента, разделяющий формирование культурно-национальной картины мира ее носителей. Фразеологизмы или идиомы сохраняют важнейшие сведения о менталитете народа и его культуротворчестве в виде

легенд, мифов, обычаев, традиций, выступая как экспоненты культурных знаков. Фразеологические единицы помогают донести большой объем знаний о культуре и при этом экономят языковые средства. Многие фразеологизмы, как считает В. Н. Телия, есть «образно мотивированные вторичные наименования, выявляющие ассоциативные связи, культурно значимые фреймы и конкретные образы абстрактных концептов» [10, с. 48].

Реификация, культурно-национальная коннотативность, способность к формированию языковых культурных кодов – все эти отличительные черты не только отражают сущность фразеологизмов, но и определяют их место в культурном коде народа и формах его проявления, в первую очередь, вербализованного характера. Реификация – образное о веществе понятие концепта – выражает, как правило, те особенности, которые характерны именно для менталитета конкретного народа и внутреннего мира его носителей. Так, наличие в русском и белорусском языках большого количества выражений с понятиями «душа», «дух», «сердце» свидетельствует, что для наших народов характерно чувственно-эмоциональное восприятие мира. То же самое касается и коннотации – культурного маркера в языке. Культурные коды помогают отследить историю формирования менталитета народа, системы его духовных ценностей. Так, предметный код белорусов и русских вообрал в себя большое количество фразеологизмов, включающих слова «хата», «дом», «порог», «крыша», что указывает на сакральность жилища у древних восточнославянских племен и сохранившуюся ценность в современном восточнославянском культурном пространстве «дома» и «семьи». Биоморфный код демонстрирует нам элементы анимизма и тотемизма, указывая на желание современных белорусов жить в гармонии с природой.

Таким образом, фразеологизмы содержат и транслируют значительный культурный контент. Схожее назначение мы наблюдаем и у так называемых этнокультурных стереотипов. Будучи впервые введенным У. Липпманом в 1922 г., «стереотип» означал следующее: культурно детерминированные предвзятые мнения, управляющие процессом восприятия – *the pictures in our heads* [11]. Для У. Липпмана стереотипы являлись своеобразным стержнем культурной традиции, на который «нанализуются» традиции, обычаи, вкусы и т. д. [11, с. 156]. Польский исследователь Ю. Бартминьский видел в стереотипизации разновидность мифологического мышления [12, с.136–140], поскольку стереотипы как со-

циокультурные феномены соотносятся с пред-рассудками и суевериями. На сегодняшний день большинство исследователей сходятся во мнении, что стереотип – это ценностно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенного этнокультурного сообщества, отражающая в сознании представителей данного пространства некий фрагмент окружающей действительности (У. Квастхофф, Е. Бартминьский, И. Панасюк, В. В. Красных, С. М. Толстая, Ю. Е. Прохоров, В. А. Рыжков, Ю. А. Сорокин, Ж. Ф. Ришар).

Стереотипы предопределяют набор ассоциаций и детерминируют наше коммуникативное поведение. Будучи схожими с прецедентными феноменами, они, тем не менее, имеют ряд отличий от них: стереотипы по сравнению с прецедентами функционируют как штампы и окружены в своем контексте употреблением рядом штампов; за прецедентным феноменом всегда стоит конкретное явление, возможно, исторического происхождения, а в случае со стереотипом такое явление обнаружить весьма затруднительно, как правило, это некий абстрактный образ; прецедентные феномены, как правило, национально детерминированы, но они могут носить и универсальный характер, на что мы уже указывали выше, стереотипы всегда только национально детерминированы.

Высокая степень распространения в коммуникативной практике, характерная для стереотипов, их мифический и иррациональный характер говорят о том, что они сохраняют свое культурное наполнение, несмотря на течение времени и колоссальные цивилизационные изменения. Этнокультурные стереотипы можно назвать, с нашей точки зрения, наиболее устойчивыми к трансформациям различного рода по сравнению со всеми другими проявлениями культурного кода в коммуникативном пространстве. Различного рода культурные образы, сформировавшись еще в язычестве,

сохраняют свои черты в фольклорных и литературных персонажах, которые, в свою очередь, отражаются в устойчивых выражениях. Например, образ кота/кошки всегда был таинственен и неоднозначен, как в белорусской, так и русской культуре (образ кота Баюна). Кошка считалась покровительницей домашнего очага, но встретить черную кошку (носителя демонического, «темного» начала), согласно суевериям, дошедших и до наших дней, – к несчастью. Вербализованные проявления данных черт стереотипного образа отражают их довольно точно. Выражение «пробежала черная кошка» («прабегла чорная кошка») означает «случилось непонимание», «дружеские отношения распались»; «кот в мешке» («кот у мяшку, у торбе») – неизвестный предмет. Благодаря своему богатому культурному наполнению, разнообразию проявлений, а также определенной устойчивости к трансформациям этнокультурные стереотипы следует считать символами культуры и культурного кода.

Весь окружающий человека мир – это искусственно созданная им реальность, выраженная в знаках и символах. Транслировать эти знаки и символы, декодировать их возможно в полной мере только через процесс коммуникации. Коммуникативное взаимодействие способствует не только трансляции культурного кода, но и раскрытию его смыслов в полной мере. Если культурный код – это идеальное образование, то его вербализованные проявления носят материальный характер. Именно прецедентные феномены, фразеологизмы, идиомы, метафорические сущности наиболее точно отражают существующее культурное своеобразие, сохранившееся в различных артефактах и образцах. Культурный код, аккумулируя в себе весь культурно-исторический опыт народа и систему его духовных координат, уникален для каждого народа, следовательно, уникально и собрание его языковых воплощений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, П. С. Культура как объект социально-философского анализа / П. С. Гуревич // Вопросы философии. – 1984. – № 5. – С. 48–62.
2. Сепир, Э. Язык: Введение в изучение речи / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 5–302.
3. Букина, Н. В. Культурный код как язык культуры / Н. В. Букина // Вестник ЧитГУ. – 2008. – № 2 (47). – С. 69–73.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 720 с.
5. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

REFERENCES

1. Gurevich, P. S. Kul'tura kak ob'ekt social'no-filosofskogo analiza / P. S. Gurevich // Voprosy filosofii. – 1984. – № 5. – S. 48–62.
2. Sepir, E. Yazyk: Vvedenie v izuchenie rechi / E. Sepir // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. – M.: Progress, 1993. – S. 5–302.
3. Bukina, N. V. Kul'turnyj kod kak yazyk kul'tury / N. V. Bukina // Vestnik ChitGU. – 2008. – № 2 (47). – S. 69–73.
4. Lotman, Yu. M. Semiosfera / Yu. M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo, 2000. – 720 s.
5. Eko, U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / U. Eko. – SPb.: Simpozium, 2004. – 544 s.

6. *Якобсон, Р. О.* Язык и бессознательное: Работы разных лет / Р. О. Якобсон. – М. : Наука, 1996. – 280 с.
7. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Наука, 1986. – 143 с.
9. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
10. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 356 с.
11. *Lippman, W.* Public Opinion / W. Lippman. – New York : Anchor Books, 1989. – 356 p.
12. *Бартминьский, Е.* Стереотип как предмет лингвистики / Е. Бартминьский // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М. : Добросвет, 2005. – С. 133–157.
6. *Yakobson, R. O.* Yazyk i bessoznatel'noe: Raboty raznyh let / R. O. Yakobson. – M. : Nauka, 1996. – 280 s.
7. *Kubryakova, E. S.* Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj toчки zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / E. S. Kubryakova. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 560 s.
8. *Teliya, V. N.* Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic / V. N. Teliya. – Nauka, 1986. – 143 s.
9. *Krasnyh, V. V.* «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost' / V. V. Krasnyh. – M. : Gnozis, 2003. – 375 s.
10. *Teliya, V. N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty / V. N. Teliya. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 1996. – 356 s.
11. *Lippman, W.* Public Opinion / W. Lippman. – New York : Anchor Books, 1989. – 356 p.
12. *Bartmin'skij, E.* Stereotip kak predmet lingvistiki / E. Bartmin'skij // Yazykovoj obraz mira: ocherki po etnolingvistike. – M. : Dobrosvet, 2005. – S. 133–157.

ВВЦБДПУ